

ФИЛОСОФИЯ

ББК 87.3

Г. С. Смирнов

«ЖИВАЯ» И «МЕРТВАЯ» ВОДА ФИЛОСОФИИ: ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФОБИЯ

Человек, который изобрел стиральную машину или холодильник, сделал больше для нас, чем все философы мира.

В. Якеменко

Размышления о духовных патологиях современного российского общества, находящегося в состоянии перехода от традиционалистских укладов к современным моделям общественной экзистенции, в последние годы приобрели большую актуальность. Отечественные философы всех возрастов ищут формы позитивной философской идентичности для российского общества, вступившего в третье тысячелетие. Судя по всему, карты будущих духовных маршрутов уже выложены на стол и идет широкий обмен компетентными мнениями. Построение синтетических картин мира в их религиозном, философском, художественном и научном измерениях в значительной степени лежит именно на философском сообществе¹.

Возможно ли единство культуры?

В 1902 году В. И. Вернадский [3] начал читать для студентов курс, открывавшийся разделом «О научном мировоззрении». Главная идея ученого состояла в том, что образование — сложнейший механизм культурных увязок религиозного, художественного, философского и научного знания. Научное знание при этом выступает в качестве общеобязательного, так как связано с формулированием системы эмпирических обобщений, лежащих в основе отношения человека к миру.

Такая мировоззренческая формула могла стать не только основой всей системы университетского образования, но и формой нового духовного развития России, в котором не религия выполняет главные функции социального регулирования (к началу XX века стало ясно, что самодержавно-государственная религия лишь тормозит разрешение возникших перед страной сложных проблем), а все формы культурности становятся паритетными и выполняют свою важную роль в формировании экологии культуры, выжива-

© Смирнов Г. С., 2011

¹ В каждом из номеров «Вестника Российского философского общества» можно обнаружить большое количество публикаций, обсуждающих стратегические направления духовного (ноосферного) развития страны и мира. См.: *Гончарук С. И.* Без научного овладения логикой человечество погибнет в экологической катастрофе // Вестник РФО. 2010. № 4. С. 119—121 ; *Минигалин М. М.* Базовые ценности современной России // Там же. С. 46—50. Такого рода поиск интенсивно идет и в других философских журналах.

• Серия «Гуманитарные науки»

нии всех существенно важных для человеческой жизни форм интеллектуальности и духовности. Однако одновременно с Великой социальной революцией произошла сциентистская революция, которая смела не только традиционные художественные формы, но и практически все традиционные формы русской религиозной и философской жизни. Лишь только сейчас, чуть-чуть очнувшись от теофобии, мы можем задуматься о роли философии в жизни переходных обществ, в которых совершаются труднейшие выборы потребного будущего, установка век и обнаружение аттракторов развития в III тысячелетии. Думается, что Россия в течение двух последних веков, как никакая другая страна, интенсивно готовилась к вхождению в новое пространство бытия, и самый значительный вклад в понимание происходящего и обнаружение ноосферных аттракторов человеческого развития внес В. И. Вернадский (которого никак нельзя заподозрить в фобиях, порожденных уходящими веками антагонистического развития становящегося человечества).

Философодия. Зачем нужна философия?

Оправдание философии, может быть, самая трудная задача в обществе победившего потребительства. Социальные философы уже давно пришли к убедительному выводу о том, что капитализм и социализм как тенденции — это сестры, вышедшие из фона потребительской «философии». Следовало бы сказать, что по аналогии с феноменами теизма и атеизма можно говорить о Софии и *асофии* (философии и афилософии). Феномен асофии может проявляться в том, что общество не хочет философствовать, не умеет философствовать, ему не разрешено философствовать, а значит, оно постепенно выходит за рамки разума.

Советское общество в течение нескольких десятилетий сформировало сциентистскую ориентацию, в ней по принципу «тезис — антитезис» (по модели противоположения, дуальности) религиозное сознание оказалось утоплено формами доминантного материального бытия, а философия (для своего выживания) вынуждена была играть роль «служанки наукословия»².

Тезис официальной государственной философии (диалектического материализма) о том, что философия — это наука, — убедительное доказательство того, что особой философской сущности в системе общественного сознания «партийно-охлократического общества» не предполагалось. Современное «партийно-олигархическое общество», судя по всему, вообще избавило себя от «философской десятины», вновь вернувшись к привычной «церковной десятине». Потеря философской доминантности в структуре современного общественного сознания ведет к дезориентации в условиях погружения в виртуально-информационную реальность. Оказалось, что в условиях переизбытка информационного субстрата религиозное сознание «затирается», «размывается», а философское — вообще «смывается» (элиминируется). Причина видится в том, что философия не только не продажна, но и «не продается», это ее качество не устраняется даже в обществе, главной формулой которого является тезис «Никто не избежит распродажи».

² Термин «наукословие» в данном случае необходим в силу того, что в условиях общепартийного сознания наука и научная мысль в действительности были не планетным явлением, как писал В. И. Вернадский, а идеологической, т. е. несвободной, формой культуры, «ненаучной наукой».

Современный истеблишмент унаследовал от управленцев предыдущей формации стойкую непереносимость к «вечной философии», но если раньше эта непереносимость вызывалась парт-монизмом (догматизмом и «аллилуйщиной»), то теперь она в значительной степени связана с утилитарным плюрализмом (прагматическим постмодернизмом). Феномен нелюбви к философии как «*излишнему* мудрствованию» (философствованию на пустом месте) был простителен простому (например, рабоче-крестьянскому) обществу, но для посложневшего общества необходимы и более сложные модели миропостроения. «Расставание с простотой», постулированное Н. Н. Моисеевым, излишне затянулось, ибо по большому счету главный пафос постсоветской и постсоциалистической философии остался прежним: духовная редукция, освоение *достижительных ценностей*, а в некоторых случаях (применительно к гламурному слою новорусского общества) ориентация на недостижимые ценности.

Причина поглупления общественной философии — в «игре на понижение». Оказывается, что цена вечной философии слишком высока, ибо это признание некой меры социальной справедливости, возможностей человеческой революции и в конечном итоге — смены «человеческого качества». Современное общество «сверхпотребления» не готово отказаться даже от малой толики «преимуществ» неэкологического бытия, а значит, философские ценности еще не стали формулой «принуждения к миру»³.

Философия как способ соединения верха и низа

В чем великая цивилизационная функция философии? Заметим, что не в последнюю очередь «осевое время» рождения древних цивилизаций связано с появлением именно философского мышления как творческого свободно-го мышления, поощряемого как обществом, так и государством. И даже если общество иногда останавливало философа в его мыслительно-воспитательной деятельности (как это имело место в случае с Сократом), оно прекрасно понимало, что именно свобода духовного бытия дает человеку радость бытия вообще. В этом смысле рождение философии следует признать одним из важных признаков возникновения цивилизации, т. е. исходной техно-социально-урбанистической структуры, где живет добро-и-зло. Это имело место и в Египте, и в Древней Греции, и в Древнем Риме, и при рождении Древнерусского государства. Философия является конкретной формой и определенной стадией эволюции сознания человека и социума, т. е. фактически проявленностью ноосферной истории.

На каждом этапе развития общества существует своя мера философского сознания. В некоторые этапы исторического развития философское созна-

³ Заметим, что формула президента Медведева «понуждение к миру» применительно к государству, совершившему международную агрессию, быстро переросла в формулу «принуждения к миру». А это, согласитесь, разные вещи. Сейчас, может быть, гораздо более важно обозначить возможные социально-цивилизационные формы «понуждения к разуму» или образовательные формы «принуждения к разуму». Вообще в современном цивилизованном обществе «понуждение к разуму» в достаточной степени противопоставляется императиву толерантности, ибо нельзя понуждать к разуму слишком сильно, всегда следует учитывать *преимущественную* иррациональность реального общества и конкретного человека.

ние проходит фазу экстрактизации, и тогда появляются классические формы национального философствования. Но эти «осевые времена» в национальной истории бывают не очень часто и прежде всего тогда, когда в обществе есть некий переизбыток богатства (духовной пассионарности) и богатый класс вдруг получает отпущение от государственных обязанностей. Русское дворянство в силу целого ряда причин оказалось в комфортных условиях для духовного производства, но теоретическая философия не была очень органичной для русского геосознания, литературоцентричность русской философии существовала неотрывно от природно-эстетической ее ипостаси. Лишь в конце XIX века сложились условия для проявления философской сверхсложности — в трудах В. С. Соловьева.

Государство и философия

Философия, как известно, выполняет такие важные животворные функции, как мировоззренческая, гносеологическая, аксиологическая, праксиологическая, прогностическая. Когда государство сознательно уменьшает «напряжение» в философской «сети», то «лампочки» функций постепенно угасают. Если государство прямо или косвенно преследует философов, то «свет» выключается мгновенно — наступает темнота.

Философия в современном обществе как университетская дисциплина и как общественный феномен — единственный способ естественного выращивания ценностей и духовности в социуме. Философия — это живая вода обеспечения правильного и последовательного выращивания «человека духовного», человека, в котором духовные и физические (материальные), телесно-социальные и телесно-техногенные потребности-ценности уравновешены на весах здравого смысла и возможностей среды обитания. Когда преподавание, изучение, продуцирование философского знания перестает быть значимым для общества, оно обречено на самонепонимание, ибо не работают механизмы самопознания, саморазвития и самовосхождения.

Нынешнее состояние — это не столько трагедия русской философии (русская философия жива и подспудно всегда будет существовать), сколько духовная катастрофа постсоветского общества, которое в известной своей части, потеряв способность здравого аскетизма, превратилось в гедонистическо-потребительское общество, скопировав в самых худших, «людоедских» формах западнистский мир. Духовный и интеллектуальный иммунодефицит, как «свиной грипп», охватил значительную часть общества, разрушил традиционную трудовую этику, сбил силовые линии мировоззренческого компаса, дионисическая культура вакханалии сделала непотребной философию, которая всегда выполняла функцию защиты от дураков. «Жара» посткоммунистического потребительства испарила и высушила «живую воду» философии⁴.

⁴ Если вдруг сказать, что причиной алкоголизма в России является философобия, то этот вывод покажется настолько обескураживающим, что лишний раз заставит человека отвернуться от философии: еще одна очередная глупость выскочила из непредсказуемых мозгов. Но на самом деле не только философ, но и психолог к этой проблеме должен попробовать присмотреться внимательно. Алкоголь — это один из знаков отказа от адаптации к новому будущему: пусть будущее придет само таким, какое оно есть, но и я хочу остаться таким, каким хочу остаться. Замедлитель времени — способ сохранить лучшее в экзистенциальном бытии.

Самые страшные разрывы истории, возникающие в эпоху перемен, либо философски понимаются, либо теряются в пьяном забытьи. Иной раз понять невозможно — не надо даже пробовать, ибо то, что происходит, будет понято только через двадцать-тридцать лет (а может быть, и через полвека). В этом случае алкоголь — анестезия мозга при чудовищных социальных операциях (революциях, войнах, социальных деструкциях). В романе О. Хаксли «Остров» [10] приводится пример того, как человек психически и организационно готовится к очень сложной операции, и, когда все продумано несколько раз и понято, она проходит достаточно успешно. Это сродни той функции, которую выполняет философия.

Закон отставания сознания от форм бытия для народного сознания столь же справедлив, как и закон опережающего отражения сознания для элитарного общества. Столкновение двух этих философских систем может оказаться деструктивным, а может — и конструктивным. Стресс обеспечен и тем и другим, хотя и по разным причинам. Спонтанность философского сознания позволяет понять изменившуюся вдруг реальность, а это другой способ адаптации к новому хронотопу, позволяющий избежать «стирания сознания» в результате социальной анестезии, которую осуществляет государство, поощряя алкоголизм и наркоманию.

Философия как ценность

В наше время складывается впечатление, что любовь и разумность — вымороченные и пустые понятия, на них нет спроса. Постепенно сформировался иронический негатив — философобия как филофобия и софобия — ненависть к слову и разуму.

Причина тому — не только девальвация советского социалистического сознания. В действительности советское сознание не накапливалось как капитал, на который сейчас можно было бы жить, а наоборот, все это оказалось сейчас ненужным и девальвированным. Идет целенаправленная «профанация населения». Конечно, для разных социальных слоев «предназначен» различный уровень культуры, но нет таких слоев в цивилизованном обществе информационной эпохи, которые бы не имели права на формы социально-культурной эволюции. Задача государственной власти — не только защищать народ от внешней агрессии, но прежде всего обеспечивать развитие его культурно-образовательного и валеологического потенциала. К сожалению, власть в последнее десятилетие потеряла контроль над этой системой ценностей, которые определены как самые значимые именно в длительном философском дискурсе. Ценности власти — как оказывается — в самой этой власти, в способах обеспечения ее любыми путями и способами. Потеря ориентации власти в понимании исторического процесса также связана с отсутствием общественного философского сознания. В России фактически победило криминально-коррупционное социальное сознание, истоки которого обнаруживают себя в том, что так называемое население рассматривается как объект манипулирования и как средство, но ни в коей мере не как цель. И это также признак асофии (социального безумия), в формах целеполагания которой отсутствуют признаки философской культуры. К сожалению, когда в обществе нет тонкой философской субстанции, оно быстро атомизируется, распадается на части, преследующие свои экономические и другие утилитарные интересы.

Многомерность общественного философского сознания и его функции

Традиционно в структуре философского знания выделяют обыденное философское сознание, государственное философское сознание, университетское философское сознание, академическое философское сознание, народное философское сознание, домашнее философское сознание. В каждом конкретном обществе, в каждое конкретное время эти измерения философского сознания специфичны и имеют избирательную доминантность. Иногда одна форма исключительно подавляет все другие, иногда все они развиваются равноправно и свободно. Однако бывают времена, когда все формы одинаково обесцениваются: как принято говорить в современном обществе с релятивистскими ценностями, они «опускаются ниже плинтуса». Судя по всему, мы живем сейчас в такое время. Философия превратилась во «врага народа», как это раньше было с наукой, а затем с религией. В чем это проявляется? Во-первых, в том, что она выдавливается из государственнического сознания. Складывается впечатление, что российской модели управления (как целостности управления, самоуправления и самоорганизации) не существует. «Эффективный менеджмент» предстает как сайентологическая философия в условиях потери социальной памяти. Во-вторых, она оказывается вне сферы экономических приоритетов, где всегда присутствовала в явной форме, а иногда достигала больших высот (например, «философия хозяйства» С. Н. Булгакова). В-третьих, произошло девальвирование философии в вузовской системе (в школьной системе этот процесс девальвирования философии проявляется в профанировании преподавания литературы), ее «часовая» программно-учебная ценность оказалась на планке невозможности⁵. Это в значительной степени связано с тем, что люди, определяющие часовую нагрузку, сами не обладают доминантами такого рода мышления — оно у них просто не сформировано предыдущей системой образования — и закономерно переносят свою философскую идиосинкразию на общественное образовательное сознание в целом. Философское бескультурье, доставшееся нам от культуры одномыслия, очевидно, в значительной степени и определяет современный ландшафт социального позиционирования дома бытия философии. В-четвертых, на государственном уровне не озвучиваются никакие философские приоритеты, а значит, философия не является инструментом формирования общественных приоритетов. Не так обстоит дело с религией и наукой, в системе ценностей государственного сознания эти приоритеты признаваемы и значимы. Для государственной модели целеполагания философия не имеет управленческого ресурса, ее заменяют социально-правовые ценности как базовые для современного общества. (При этом оказывается, что связь между философией и социально-правовым мировоззрением не устанавливается.)

Философия незаметно и постепенно превратилась в фаллософию, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как это всегда бывает в «сорняковых» обществах, половое мышление приобретает абсолютный характер и от богини Афины в сознании остается не ее мудрость, а ее телесность. С редуцированными ценностями человеку легче освоиться в формулах знако-видимости.

⁵ Сведение курса философии к 22 часам лекций разрушает возможность естественного вызревания философского мышления как культурной доминанты, синтетического мыслительного формирования личности.

Народная философия как изгой

Россия — страна с поздним философским развитием. В течение долгого времени происходил процесс художественного вызревания философской мысли из религиозного чувства, религиозного искусства и религиозного мирозерцания⁶. Это имело как свои положительные, так и отрицательные стороны. Положительные связаны с тем, что русская философская мысль оказывалась всегда этажом выше, чем философская мысль рационалистического толка, ибо никогда не теряла пафос высокой разумности и *целенравственности* (именно эта духовная интенциональность может быть названа ноосферно-герметической). Такое состояние приводило к тому, что философское сознание оказывалось востребованным не только в высших («аристократических») кругах, но и в народном сообществе. Неискренность (огосударственный характер) официальной религии, а в некоторых исторических формах антинародная религиозная политика приводили к дегуманизации религии, естественным путем формировали народное философское сознание как особое осмысление природы, идущее от языческо-природнических корней-архетипов к манере самостихийности. То, что стали потом называть двойным сознанием интеллигенции, на самом деле формировалось давно в народном общественном сознании. В традиционно несвободном обществе имело место не только двойное сознание, но и двойное бытие: высокое и низкое дополнялось ближним и дальним, телесным и духовным, земным и вселенским. Именно поэтому считается, что русская философия была порождена философским дискурсом Г. Сковороды. (Дискурс в данном случае понимается как соединение реальности и текста в той же народной модальности, как и все древнейшие философии — в социальной модальности «народного странника»). Тот, кого иногда называют «домашний философ», в принципе должен называться «народным философом». Тип народного свободного философа хорошо просматривается в современной свободной электронной среде⁷.

Народная философия обычно называется народной мудростью, но от этого она не становится менее значимой. Достаточно посмотреть на жизнь простых людей в глубинке, чтобы понять, что народное философское сознание не только существует, но и выполняет очень важную социальную функцию: оно делает предельно осмысленным личностное бытие человека при самом бессмысленном насилии со стороны общества (антигражданского общества) и государства (коррупцированно-криминального сообщества).

Показательно, что в эпоху постсоветского агонизирующего сознания главным российским философом-эссеистом (афористом) стал В. С. Черномырдин. Хотя бы эта простая народная мудрость намекает власти, теряющей

⁶ Весьма характерна мысль Д. С. Лихачева о древних формах философобии на Руси: «Одной из причин неудачи Возрождения на Руси была гибель еретического движения. Ереси, начавшиеся в русских центрах Предвозрождения — Новгороде и Пскове (так называемая ересь стригольников, а затем так называемая новгородско-московская), не были ересями в полном смысле этого слова» [4, с. 159].

⁷ См., например, статью В. В. Филатова в сборнике «Философия в XX веке» (Вып. 20. Воронеж, 2009). Интернет дает возможность увидеть всю палитру «открытой философии».

(или уже потерявшей) авторитет, что топтать народ — это всегда чревато негативными последствиями для самой власти.

Народная философия размышляет не надуманными (и часто оторванными от корневого сознания) категориями, а предмето-реальностями, которые выдают «непрофессионала», но свидетельствуют о погруженности не только в субстрат, но и в субстанцию. Философское выговаривание происходит столь органично, как поют птицы на своем естественном природном языке. Очень часто «незнакомое пение» красиво, но носит характер лакированной фальшивости (симулякра). Философская дисплезия — разная степень развитости верхних и нижних (о)конечностей философского сознания — реальная болезнь современного российского философского сознания. (Возьмем простой пример с выборами. Нынешняя система демократических выборов с автоматически запрограммированным результатом в пользу людей с мешками денег или с административным ресурсом запускает механизм безразличия, ибо философское чутье на бессмысленность очень развито в отношении безумия власти.)

Народная философия (мудрость) есть результат особого бытийного синтеза сознания, сознания общества, живущего в условиях норманнского правления, но оставляющего за собой нишу народного самобытия с предельными смыслами.

Философия как способ формирования системы ценностей общества

Культура общества держится сложной сетью сопряженных высоких и низких, простых и сложных, больших и малых ценностей. Эта духовно-цивилизационная и духовно-культурная обоснованность человеческого бытия и определяет ориентацию в будущее с учетом преодолимости прошлого. Русская философия всегда строила верхние этажи этой аксиоиерархии, а западная философская традиция выполняла функцию типологизации и классификации материально-антропологических ценностей развития России. Современное общество (властное и бизнес-сообщество) одинаково безразлично относится и к тому и к другому философскому пространству. Философия непотребного потребительства оказалась единственно востребованным уровнем общественной философии (для него гораздо более адекватным является «философия» утилитарной политической идеологии, утопические поиски «идеи»).

Самым тяжелым последствием философобии для общества является разрушение фундаментальной системы ценностей, сопрягающей ценности духовные и ценности материальные. Дело не только в том, что современное общество игнорирует духовные и интеллектуальные ценности, оно вообще не имеет представления о цивилизационных ценностях, их заменяет «чистоган» и сложнейшая пирамида антиценностей.

Новорусский набор антиценностей поставил российскую жизнь перед неизбежностью деградации, «троянский конь» потребительства с радостью был введен в российское потребное будущее. А это, в свою очередь, стало существенной причиной философобии: мало кому понравится, если ему будет говорить о том, что существуют «иные» ценности.

Философский камертон культуры

В свое время Гегель, а вслед за ним и Маркс обозначили философию как квинтэссенцию культуры. У этой формулы есть и обратная сторона: культура порождает философию, но философия «воспитывает» (питает) культуру. Более того, правильно и точно выраженная философия — это камертон, по которому строится гармония культуры. Отсутствие такого камертона приводит к хаосу культуры, к ее развоплощению, а иногда и деградации. Рождение национальной философии — это всегда не только многовековой процесс, но и некий подвиг самоотречения и аскетизма, только так рождается чистое слово — чистый поток духа, соответствующий этногеоэволюционному бытию.

Самоотречение от национальной философской культуры — это одновременно и потеря национальной культуры. Уже сейчас пришло время философского рывка в философскую самоидентификацию, за этим открытием последуют и все остальные шаги в сторону ноосферного будущего.

Сейчас много говорят об инновациях и трудностях их реализации в нашей стране, но мало кто считает, что причина этого в слабости философского национального сознания. Вот бы к нынешнему религиозному порыву и научному рвению еще и философское влечение, оплодотворенное художественным видением мира! Много бы в ландшафте ноосферной реальности изменилось к лучшему.

Философия как катализатор и ингибитор духовной жизни общества

Сначала, очевидно, надо обращаться к философской жизни отдельного человека. Человек как существо развивающееся постоянно строит все более и более разрастающуюся реальность. А значит, на каждом жизненном этапе ему необходима своя философская пропедевтика, а иногда и «философская скорая помощь». Человек должен иметь «минимальную философскую корзину», в которой будут находиться посильные эмпирические обобщения (обобщающие приходящие в различных жизненных ситуациях эмпирические факты). В этом случае философия выступает как своеобразный катализатор умственных усилий человека, который сталкивается с «изнуряющей философской задачей». В другом случае человек иногда оказывается слишком «творческим», а «изобретение “философского” велосипеда» лишь говорит, что поиск выхода требует профессионального вмешательства, которое сродни вмешательству психолога в трудных жизненных ситуациях. В этом последнем случае философия выступает в качестве ингибитора, подчас только она и может «остудить горячую голову», заставить осуществить процессы торможения. (Однажды в партком вуза пришел преподаватель и сказал, что он открыл новые законы диалектики в дополнение к тем трем, которые были известны со времени Гегеля. Этого было достаточно, чтобы секретарь парткома вызвал врача-психиатра.) Философия, как вода для полива, требует некой нормы: когда ее много, растение может погибнуть, а когда ее не хватает, растение засыхает.

Экология философского развития

В отличие от науки и религии философия выполняет свою особую роль в деле формирования личности (персоны). Если наука дает абсолютные эмпирические факты, а религия — универсальные метафизические идеи, то

философия позволяет человеку искать формы всеобщего в неабсолютном. Именно этот самостоятельный поиск и определяет способность к самоидентификации. По сути своей философское мышление — это живое самосознание. Если человек сразу и безоговорочно признает истину религиозного или научного содержания (характера), то обычно он выступает ортодоксальным носителем-защитником той или иной формы научной или религиозной веры. Очевидно, следует признать, что таких людей в силу специфики исторического процесса абсолютное большинство. Еретиков в науке и религии значительно меньше, и преследуются они более жестоко, чем это имеет место по отношению к философам. Именно поэтому для университетского образования очень важно привить навык живого самостоятельного свободного философствования. Способность философского мышления и самосознания для человека с высшим образованием важна в той же самой степени, в какой важна для него формальная логика. (Заметим, что именно эти дисциплины чаще всего оцениваются неадекватно их социальной и личностной значимости. Думается, что уже в школе должна быть школьная формальная логика (практическое мышление) и школьное любознательство, т. е. практическая философия.)

Экология философского сознания человека предполагает, что философия может рассматривать и как своего рода гомеопатическое лекарство, и как сильнодействующее зелье, и как яд. Философская терапия и даже хирургия — неизбежные спутники исторического процесса, истории развития каждого этноса.

Философия как психология и психиатрия: факты и состояния

В России в течение долгого времени формирование жизненной психологии человека шло в русле религиозного культа. Соответственно религия выполняла и функции психотерапии и психиатрии, неизбежные в сопряжении священника и паствы. Насилие официальной религией, как и насилие государственной философией, — это всегда повод для человеческой фрустрации, а значит, и разрушения «естественной» психики человека, ищущей гармонию в природной и культурной среде обитания.

Социальная ампутация философии: формула отсутствия философии

Со времени возникновения философского мышления, когда человек впервые попробовал отвязать свое сознание от религиозного причала и двинуться в открытое плавание, для каждого очевидно, что человек живет поисками смысла; это упорное искание, может стать, самая главная движущая сила многотысячелетней эволюции сознания. Эта поисковая интенциональность находится прежде всего в сфере философского бытия (мышления) человека. Позднее придет время торжества научного сознания, когда человек будет искать не столько смысл, сколько комфорт, или, иными словами, комфорт и станет главным смыслом бытия техносферного человека. На какое-то время открытое сознание человека закроется, ему будет достаточно оставаться в контексте традиционного религиозного сознания и все более и более погружаться в техно-сциентистскую деятельность. (Преобразование окружающей среды станет альфой и омегой человеческого пребывания. Эпоха сциен-

тистского материализма в XX веке проявила себя в двух главных модусах — американском и союзно-советском. При этом оба они похожи как близнецы-братья, один из которых оказался более удачливым — разбогател и даже захотел покровительствовать младшему брату, но слишком переел, растолстел и потерял былую мобильность и успешность.) Оказалось, что человек может жить в закрытом техногенном пространстве и именно в этой ограниченности искать маленькие смыслы своего бытия; этого до поры до времени будет хватать большинству людей. В эпоху строительства социализма и коммунизма плоский человек будет формировать плоские (или, как говорят некоторые философы, одномерные) смыслы.

Из этой живой — философской — поисковой области, где пересекаются все пути человеческого бытия, уходят во все стороны, как поезда, люди, получившие плацкарт, а иногда и купейный билет по направлениям «религия», «политика», «искусство», «наука», «ремесло», «управление» и др. Но философия — всегда поток собственно человеческого бытия.

Философия — живой и активный организм, который находит самые потаенные укромные уголки социально-человеческого бытия. Когда это естественное развитие вдруг — по какой-либо причине — приходит в противоречие с властной вертикалью социальной устойчивости, то и возникает философия, а за этим чаще всего происходит ампутация философии из социально-человеческого организма. Тогда он становится социально-бесчеловечным.

Философия в обществе выполняет очень существенную функцию тонкой мировоззренческой подгонки; в силу того что философское знание вездечно, непрерывно актуально, при каждой социальной подвижке начинается философский поиск — поиск мировоззренческой адекватности. Это и есть «осевое время», время ноосферной истории.

Искоренение философии в любой социальной форме приводит к общественной деградации. Самый яркий пример — искусственное торможение философского развития в предперестроечный период. Травля лучших философских новаторов фактически привела к тому, что пришлось говорить: «Мы не знаем, в каком обществе мы живем». Это было преддверие постсоветской катастрофы. На место ампутированной усилиями партийной догматической власти философской мысли пришла традиционная религиозная жизнь. Это возвращение долгов и покаяние окаянной власти было обязательно. Сталин в этом смысле предстает как благоразумный разбойник, вовремя очнувшийся от атеистического летаргического сна. К сожалению, по отношению к философии реабилитации не состоялось, ибо ампутация «философским парохомом» оказалась очень эффективным способом элиминирования философии из социокультурной жизни. Возвращение русской философии из эмиграции состоялось, но не она оказалась идеологической песней новой либеральной власти, которая вновь сочла целесообразным насаждение «цивилизаторской» философии западнистского толка. Заставить учить новую философию гораздо проще, чем найти способы давления на церковь обновленческими императивами.

Современный религиозно-церковный дилетантизм для общественной жизни может оказаться не менее опасным в социальном плане явлением, чем дилетантизм философский. (В большинстве своем, как показывает статистика, рекрутирование в церковное сообщество идет за счет представителей пропартийных каст и страт — из комсомола, профсоюзов, армии, — что приводит к очень быстрой номенклатуризации церковно-религиозной жизни.)

Философская неадекватность власти и бизнеса — а такая симптоматика видна невооруженным глазом — разрушительна для будущего России в не меньшей степени, чем это было в период партийно-философского материалистического догматизма.

Помимо «пароходной» стратегии философобии в поздние времена оформилась еще одна — персональный «отстрел» философов (по модели «некуда бежать») с контрольным «выстрелом в голову». Такая практика на излете партгеронтократии оказалась наиболее иезуитской и эффективной.

Современная философобия не менее эффективна — власть изолировала философское пространство санитарным кордоном, устроила «резервации» для последних советских философов и приняла технологию «выморачивания» философии из университетских (вузовских) программ. Профурсенковская философия образования губительна не только для системы образования, но и для молодой российской интеллигенции. Нельзя в информационном обществе загонять молодежь либо в религиозный, либо в сциентистский формат. Это деструктивно для живого человеческого развития.

Фантомные боли философского небытия

Самое тяжелое наследие философобии связано с фантомными болями после социальной ампутации. Философского сознания нет, но ощущение того, что оно было, присутствует, оно как бы есть. Даже в среде современной российской интеллигенции философский нигилизм — явление обычное (и даже престижное), хотя философия имеет весомый потенциал для приземления не только религиозного фанатизма и сектантства, но и для некоторой девальвации мифологического и мистического сознания.

Философия как отсутствующая структура

В общественной системе всегда присутствует некий концепт, он может быть художественным, религиозным, научным, но при этом имеет место транскультурная диагональ философских концептов (эстетических, нравственных, метафизических). Разнообразие философских форм в общественной самоорганизации позволяет обеспечить заполнение интеллектуально-информационных разрывов и белых пятен, философия не только выполняет функцию сближения науки и религии, но и обеспечивает их коэволюцию, общекультурную сопряженность, ноосферный синтез человеческого бытия. Если философия как особая живая, абсолютно актуальная форма бытия-сознания находится в сомнамбулическом состоянии, поставлена «в угол на горох», то она становится отсутствующей духовной структурой, туман заполняет социальное пространство, уменьшает видимость и создает впечатление близости понимания, но на самом деле лишает возможности маневрирования, не говоря уже об ориентировании.

Мизер философии

Экология разума и экология духовности предполагает некоторые аналогии, характерные для развития биологических систем: духовная экосистема

должна быть разнообразной и построенной по принципу трофической пирамиды или «волчка жизни». Философия выполняет важную функцию: она не только *продуцент* новых систем знания и дискурсов, но одновременно и *редуцент* — разлагатель организмов, отживших свое, знаниевых организмов. Мизер философии в обществе приводит к тому, что духовно-питательные цепи работают неэффективно, поэтому сама общественная система страдает, а иногда просто болеет. Самым тяжелым последствием философобии является психическая декомпенсация: те психические отклонения (естественные флуктуации и искусственные девиации), которые вполне можно было бы поправить способами *тонкой философской подгонки*, в конечном итоге приходится править тяжелыми психологическими инструментами. Психологическое неблагополучие нынешнего российского общества в значительной степени следствие разнообразных проявлений общественной и индивидуальной философобии.

Очередной виток бюрократизации философского сознания как механизма естественного самоосмысления и саморефлексии — социального самопознания — блокирует защиту от дураков, а общество в очередной раз оказывается под обаянием государственнической философии.

Гламур («оголтелый снобизм») как государственная философия

Универсальная система блага в обществе развитого социализма («распределизма») естественно, как из куколки бабочка, выпорхнула в систему тотальной коррупции. «Философская коррупция» (посредством грантов зарубежных и отчасти российских фондов) стала столь же обычным явлением, как и «блатная философия» в эпоху философского одномыслия.

Обычно структура философии как учебного курса подразделяется на онтологию, гносеологию, аксиологию и праксиологию. В самой существенной ипостаси в настоящее время философия представляется через систему ценностей (которая изучается аксиологией). Центральная проблема аксиологии, на наш взгляд, это проблема соотношения материальных и духовных ценностей (эта пара универсалий является главной и в системе ноосферного развития). Заметим, что философский вывод о смысле подлинного бытия (дазайн М. Хайдеггера), о стратегии аскетизма (по А. Гелену), экзистенции (в рамках европейского экзистенциализма), стратегии «быть или иметь» (Э. Фромм) отчетливо виден не только в русской философии (он там рассматривается как аксиома, не требующая доказательств), но и в западной философии, которая хорошо, непредубежденно отрефлексировала состояние «заката Европы» (О. Шпенглер). Нужна ли эта философская аргументация современному российскому обществу?

Прежде всего, об этом должна знать современная молодежь, которую как оказалось, достаточно легко отвлечь от высших ценностей информационным гламуром (как гл-амуром и гла-муром) как обыденной, так и общественной жизни. Нынешние молодежные организации, похожие на бывший комсомол, может быть, еще лучше «прикормлены» властью, но при этом власть должна отчетливо представлять, что, как только она перестанет их кормить, ее предадут с той же легкостью, с какой комсомольцы стали бизнесменами, потерявшими чувство социальной и национальной общности. Человек без убеждений, которые вырабатываются в основном свободным философским

мышлением и свободной религиозной жизнью, — самое чудовищное порождение сверхпотребительского общества. Появление такого «индифферента» в России будет пострашнее, чем появление «бесов» Достоевского накануне Великой социальной революции в России. По большому счету, современному молодому человеку безразлично, от кого получать стиральную машину и холодильник: он прекрасно понимает, что от той жадной власти, которая сейчас сидит наверху, спрятав деньги в оффшорах, что-то получить очень проблематично, но, может, это будет проще сделать, когда в зауральское пространство придут хорошие работники, которые будут обслуживать российских автохтонов своим рабским трудом. Формирование римского сознания совсем не выглядит как задуманный наверху проект, но от этого результат не менее убедителен. Современная «золотая молодежь в гламуре и шоколаде» уже реально живет вне страны и родины как граждане мира, и это по большому счету очень важный результат российской «перестройки». Российская тройка реально прискакала в свое ожидаемое глобальное будущее, в ту систему мироустройства, в которой будет жить человечество XXI века.

Конечно же, сравнение холодильника и философии не родилось само по себе, эта мысль — молодежная интерпретация идей больших идеологов, тех, кто при сверхдоходах от нефти не может издать двадцатитомное собрание сочинений В. С. Соловьева, кто считает, что этого не достоин и самый выдающийся российский ученый В. И. Вернадский (рукописный фонд которого составляет около ста томов), а о других Владимирах и Иванах и речи уже не идет. Государство, которое живет примитивными философскими идеями, как это хорошо показывает история, обречено, и чем примитивнее идея, тем быстрее заканчивается жизнь этого государства. Нынешняя власть, исповедующая философию «сопротивления злу насилием», как-то не заметила, что постепенно превратилась не просто в зло, а в зло абсолютное, выплеснув на поверхность самую зловонную пену социальных амбиций и эгоистического индивидуализма. Когда власть сознательно хочет уничтожить старую диалектико-материалистическую философию, а на самом деле бессознательно и последовательно уничтожает культурное и развитое философское сознание страны, она копает себе (да и не только себе, но и стране в целом) глубокую яму. Будем надеяться, что новое и молодое российское общество не последует за любопытным истеблишментом.

Все, кто мало-мальски изучали философию, прекрасно знают, что главная ее проблема — проблема человека, а гуманизм — одно из существенных социальных ее измерений. Когда власть игнорирует философию, то она фактически, может быть, не совсем понимая, что делает, игнорирует человека. Ярчайший пример — «математические опыты» с единым госэкзаменом, который одновременно игнорирует все значимые человеческие измерения образовательного процесса. «Большевизм в образовании» оказался самым стойким рефлексом нынешней власти, дегуманизация власти, разрастающаяся как ризома, имеет, очевидно, много причин, но самая корневая — отсутствие философского сознания как своеобразного истока миропонимания. В практике государственного менеджмента на место идейному (в смысле идеала) диалектическому материализму пришел безыдейный материалистический потребизм. А коррупция незаметно сжевала все нежные ценности, как робкие цветки, появившиеся в постприватизационную эпоху российской малонародной жизни.

Социолого-политологическая девальвация философии

По сравнению с доперестроечным временем статус философской науки в течение двух последних десятилетий заметно упал, зато на первые места вышли социологические, политологические и культурологические науки. В настоящее время ситуация такова, что философия остается научной дисциплиной, где сохраняются самые простые условия получения статусных степеней. Может быть, по этой причине постепенно утвердилось мнение о том, что «априорные способы обоснования и реализации поставленных целей (философские, теологические, моральные, эстетические и т. д.), хотя и являются важными формами культуры, *не соответствуют реалиям вне самих себя*»

[7, с. 113]. Такой постнеклассический позитивизм весьма знаменателен, ибо свидетельствует о том, что современная российская социальная философия настолько деградировала, что не представляет интереса не только для власти, но и для коллег по соседним разделам обществоведческого знания. Социологический и политологический прагматизм и утилитаризм показывают, насколько сложна ситуация в творческом плане во всей системе гуманитарного и обществоведческого знания. Ни теоретические, ни прикладные аспекты российского философствования не являются «интересными» («читать нечего», как сказал один из молодых представителей исторической науки). Если раньше мешала анализировать ситуацию цензура, то сейчас *философская апперцепция*, наследие «марксистско-ленинского» прошлого, довлеет над умами сильнее, чем можно было бы думать. Двадцать лет прошло, но кардинального изменения, подобного философии Серебряного века, не произошло: культура философского мышления, очевидно, восстанавливается в самую последнюю очередь. Еще лет десять придется ждать, когда вдруг осмысление прошедшего российского тысячелетия окажется *теоретически адекватным* сложности поставленных историей задач.

Ближайшие последствия философобии

Наконец о последствиях. Отчуждение от ноосферы — судя по всему — результат отнюдь не детской болезни нашего общества. Насаждаемая социальная философобия приводит к деградации общества и отдельных его субъектов, потерявших способность к критическому философскому мышлению. Это своеобразный духовный СПИД, поразивший общественное и индивидуальное сознание. Вирус этот — продукт среды как организма, а результат разрушения — человек как состояние социальной среды.

Цель власти в выработке стратегии философского развития общества непонятна. Скорее всего, она имеет два направления, одно для народа — это формирование нового старого религиозного сознания (и в этом проявляется глубокое неуважение власти к народу, называемому ею населением), для образованного слоя, формирующегося в вузах, — насаждение западной философии. Задача в целом понятная, если предполагать старые доинформационные технологии, но в настоящее время эта стратегия шита белыми нитками, она видна невооруженным глазом. Современное российское общество тонет в деградационной манипуляции общественным сознанием. Выкованное

веками русское духовное оружие затупилось, оно становится ненужным, ржавеет, а значит, и само общество теряет духовную подпитку как форму и способ духовного восхождения.

Что же представляет собой современная государственная философия? Думается, что она (партийно-олигархическая власть), к сожалению, повторяет самые неприглядные страницы философии партийно-пролетарской власти. Молодежь, которой навязывается современная примитивная «православная культура» (как говорят зубоскалы, свобода стоять в храмах подсвечниками), не подготовленная хотя бы самой скромной философской культурой, никогда не сможет ценить тот колоссальный энергетизм (исихазм) истинной религиозной веры, веками формировавший российскую культуру, которая в полной мере может быть обозначена как культура самоограничения, культура аскетизма, аскетизма не как формы идеологической, философской или религиозной, а формы вселенско-природного бытия, способа сублимации культурной биогеохимической энергии в преобладающие формы конкретно-духовного бытия.

Один из главных постулатов философии русской власти — утверждение, что власть, которая уже тысячу лет ведет войну с народом, никогда не сможет его победить, и каждый раз, когда она теряет чувство реальности и пытается подавить народные жизненные силы, народ как живой организм, проявляя свою волю к жизни, встряхивается и сбрасывает загнивающего властного паразита. Инстинкт вселенского бытия, как говорит закон социальной термодинамики, всегда сильнее инстинкта социального выживания (общественного самоутверждения).

Фундаментальное заблуждение власти возникает тогда, когда она думает, что власть выше культуры, что, разрушая какую-то отдельную часть культуры (будь то наука, религия или философия), она может добиться положительного результата. К сожалению, для власти (скорее следует сказать — к счастью для нас) это не так: разрушение любой из ипостасей культуры — искусства, религии, науки, философии — приводит к деградации культуры, а вслед за ней и всего общества, вслед за этим происходит социальная катастрофа и обновление власти. Власть должна наконец-то стать настолько умной и моральной, чтобы не быть всадником, в очередной раз выброшенным из седла, или ездоком, выпавшим из кибитки несущейся русской тройки. Философобия — первый, но весьма грозный признак очередной самоликвидации очередной несправедливой власти в хронотопе российской трагической и совершенно неноосферной истории.

Философия и сциентизм

Помимо ярких и отчетливых форм философобии в экодуховном ландшафте сложились незаметные вирусы, работающие над разрушением философских программ изнутри. К ним относится устойчивое понимание философии как науки, своего рода инсайдерская философобия. Некоторые философы утверждают, что если философия не есть наука, то она вообще не нужна. В этом русле в системе университетского образования была проведена операция по перераспределению часов от философии к концепциям современного естествознания, т. е. фактически к науке. В период непримиримой борьбы с диаматом и истматом это было, следует признать, до известной степени продуктивно и даже необходимо, но в эпоху «нового сознания» отсутствие

полноценных философских курсов в вузах — это анахронизм. Он еще более странен потому, что секвестированные философии сопровождается философским примитивом тестов, в которых довольно много марксистских мест, что свидетельствует, очевидно, о том, что и там — наверху — старая философия еще «не сгинела».

К сожалению, стратегия развития университетской философии в нашей стране пока не определена ни на каком уровне. А это значит, что диссонанс западно-ориентированной общественной философии и российской реальности звучит все сильнее. Философия фактически уже выведена из числа действующих лиц общественного сознания. Она в силу оскопленности может лишь научить отвечать на вопросы тестов, но научить студентов самостоятельному философскому мышлению она уже не может, для этого нет достаточного образовательного ресурса.

На пути к философии

Весьма значимо, что размышления о судьбе философии привлекают к себе творчество людей, облеченных достаточно высокой властью. Губернатор М. А. Мень, размышляя о миссии философа и практической деятельности, в этой связи говорит о том, что «задача философии, философского образования состоит в том, чтобы каждый задумывающийся о роли философии в его жизни, каждый изучающий философию смог найти *свою* философию, найти тех авторов, которые ему наиболее сродственны, как говорится — конгениальны... Найти “своего” философа, свою философскую систему — это одна из главных задач и для практического деятеля» [5, с. 99—100]. Уже сам этот пафос позволяет думать о том, что ситуация может в ближайшее время сдвинуться, но придется еще очень много поработать всем философам, чтобы в постмарксистском обществе появился естественный здоровый интерес к философии как способу определения человеком своего места в глобализирующемся мире.

Региональная философобия

Впрочем, высокая оценка роли философии не всегда совпадает с выводами относительно регионального философского развития. Голос философов в местных средствах массовой информации практически не слышен, и прежде всего по той причине, что стоимость минуты радио- или телеэфира стоит гораздо больше, нежели сама философская мысль. Когда в 2009 году региональная философская школа отмечала 100-летие со дня рождения первого иваново-вознесенского философа — профессора Н. П. Антонова, даже «Ивановская газета» не осмелилась дать сколь-нибудь репрезентативный материал об этом событии, слишком много было других «значимых» событий. Симптомом философобии на региональном уровне может служить и то, что в последние годы в нашей области у СМИ не было заинтересованности в интервью ни с одним ивановским философом (хотя среди мэтров региональной философии — профессора Г. Н. Гумницкий, И. В. Дмитриевская, которым есть что сказать). Боязнь, что философ «скажет не то» (как это произошло в телевизионной программе с участием недавно ушедшего из жизни профессора А. Н. Портнова), оказывается сейчас сильнее, чем здравый смысл, а из этого следует очень значимый вывод о том, что десофизация общества — это эко-

номически, политически и культурно запрограммированный процесс. «Демедведизация» современного общественного и индивидуального сознания — актуальная проблема не только регионального, но и российского масштаба.

Лечение философобии

Лечение философобии — очень непростое занятие, ибо оно чем-то похоже на лечение от наркотической зависимости. Необходимо формирование новой культуры живого здорового (здорового) философствования в школе, вузе, философского просвещения общества. Нелегко вспомнить специальную постоянно-сериальную телевизионную передачу, формирующую философское мышление, — ее просто нет. Философы расплавлены в других предметных областях, они не зажигают, не образуют, не приучают к столь непростому навыку, как навык обыкновенного логического мышления. Создание целостной органичной философской среды в переходном обществе — весьма трудная общественная задача, но без ее решения разрыв между наукой и религией в обществе не может быть преодолен и расколотость общественного и индивидуального сознания будет сильно сказываться на всех сферах бытия общества.

Некоторые итоги

Философобия — постоянный спутник цивилизации, некая болезнь общества, желающего жить в состоянии устойчивости, но избегающего устойчиво-постоянного развития.

Эмигрантская русская философия оказалась формой возрождения российской философии. Как это ни парадоксально, но европейская среда для русской философии гораздо более экологична, нежели российская среда для западной философии (не случайно «Мертвые души» были написаны Гоголем в Риме, в годы эмиграции Европа стала «домом бытия» русской философии).

На протяжении долгого времени философия в системе общества представляла собой отсутствующую структуру. Конечно, философствование присутствовало в почти невидимой форме, но было настолько близко к религиозному сознанию, что говорить о собственно философском сознании не приходится даже в наше достаточно продвинутое время. Отсюда следует парадоксальный вывод о том, что неудачи российской истории в основном связаны с феноменом общественной государственной философобии. Философия — это тот способ мудрости, который при нехватке времени и информации позволяет выбрать правильный или хотя бы адекватный (*не неправильный*) способ поведения субъекта спонтанной (ноосферной) истории. Советское общество выходило из тоталитарно-партократического состояния в условиях вольной или невольной диалектико(в лучшем случае)-материалистической модели общественного философского сознания. Отсюда вытекает в значительной степени людоедский характер реформ. Кинуться из одной крайности в другую — это не всегда форма народного сознания, это форма философского сознания власти, тот самый большевизм, в котором упрекают власть, начиная с Ленина. Вечная философия, универсальная и универсумная, взятая как форма предбытия, была бы несильным гомеопатическим лекарством для «обалдевшей» власти. К сожалению, власть не подстелила философской соломки и в очередной раз обрушила тушу народонаселения

в соответствии с программой монетизации. Народ эпохи постперестройки, устав от государственной философии утилитарно-примитивной глупости, фактически выживал по остаточной философии избегания самых неприятных последствий.

Философобия, таким образом, оказалась признаком отсутствующей структуры философского сознания, которое при всех условиях затем и формируется интеллигенцией, чтобы сигнализировать о неблагополучии или даже служить формой опережающего отражения. К сожалению, в России эта структура и в настоящее время формируется по остаточному принципу, и за это народ и страна расплачиваются покупкой только зарубежных стиральных машин, зарубежных холодильников и зарубежных газовых плит.

Иногда говорят: «Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую». С той же долей уверенности в век глобализации можно сказать, что тот, кто игнорирует свою философию, вынужден пользоваться только чужой философией, а значит, будет кормить весь мир, постоянно оказываясь в состоянии перманентной неадекватности, повторяя опыт, не отвечающий смыслам геополитической ментальности.

История показывает, что Россия на своем опыте проверяет негодность западных философских систем: французско-материалистических или гегельянско-идеалистических, марксистско-материалистических. Россия очень дорого заплатила за эти новомодные философские штучки. Почему-то считалось, что нет у нас в Отчестве своих Невтонов и Платонов, религиозно-новоправославное государство всеми силами пыталось удавить свободу русской философской мысли, так же формировалась политика по отношению к свободной философии и в эпоху однопартийной диктатуры.

Россия всегда была религиозной страной, сначала языческой, затем православно-старообрядческой, затем государственно-новообрядческой, затем религиозно-атеистической, наконец, косморелигиозной. В конечном итоге в XX веке сложилась возможность для России стать философской страной, страной, в которой традиционно высокий уровень искусства, науки и религиозного сознания будет дополнен столь же высоким философским самосознанием. В этом случае целостность культурного синтеза будет отвечать тем глобальным задачам, которые стоят перед Россией в XXI веке.

Современное философское сообщество в огромной степени увлеклось играми с вновь открывшимися массивами западной философской мысли. Университетской философии это игровое упоение коснулось в не меньшей степени, чем академической. Это, без сомнения, повышает интеллектуализм философского сознания в России, весь вопрос в том, насколько эта экстенсивная философская забота будет порождать интенсивное философское творчество, то есть позволит глубже понимать тот гигантский геополитический хронотоп, который остался даже после усекования тела Российской империи. Философская выучка рано или поздно породит те формы современного философствования, которые станут закономерным продолжением предшествующих веков корневой русской и российской философии. Этот процесс будет связан с постепенным преодолением «философского неразумия молодой нации», с требованием «говорить своими словами».

Опыт мировой истории показывает, что развитие общества определяют три типа формаций — экономические, социальные и духовные. Каждая цивилизация в зависимости от специфики своего состояния и интенциональности выбирает как доминанту либо одно, либо другое, либо третье. Если преоб-

ладает экономический тип — возникает капитализм (он необходим для интенсивных прорывов в обеспечении вещами), если преобладают социальные формации, то формируются социально-социалистические модели (в этом случае развивается не вещно-предметный, а человеческий мир, определяющим становится создание человеческих свойств и качеств); духовные (эйдетические, интеллигентские, интеллектуально-информационные) формации вырастают лишь в том случае, когда некое гармоническое сопряжение экономического и социального позволяет (хотя бы части общества, причем очень небольшой части) на короткое время возникнуть интенции отстраненности, войти во вселенский духовный контекст. Так было в России в эпоху Золотого и Серебряного веков, которые и были для России осевым временем, т. е. эпохами духовных формаций. В наше время в условиях мировой и вселенской открытости России может возникнуть новая духовная формация. Пока Россия прошла первую стадию нового цикла — экономическое форматирование, за ней обозначит себя процедура социально-ориентированного форматирования, а когда в обществе возникнет интерес к философии — это будет признаком того, что оно доросло до этапа нусо-эйдетического развития, — сформируется новая модель духовной формации в России. Думается, что не только интеллигенция, но и государство могло бы прикладывать свои усилия в этом направлении.

В последние 10—15 лет отечественная интеллигенция осуществила гигантскую, пока еще не осмысленную обществом философско-теоретическую работу. Фактически создана новая интеллектуально-духовная среда, которую в полной мере можно назвать ноосферной средой для человечества. Однако для омассовленного общества и огламуренного государства эта культура пока «терра инкогнита». Остается ждать, когда постсоветское общество и государство переболеют философобией (и интеллигентофобией) и двинутся по тем самым вехам, которые соответствуют глубинной российской культурной традиции — по пути интеллектуально-информационного, духовно-интеллигентского, творческо-инновационного ноосферного развития.

Постфактум: постфилософское и пострелигиозное бытие

Самый неожиданный результат современной российской философии — внедрение в школьное образование предмета «Основы религиозной культуры и светской этики». В условиях конституционного отделения церкви от государства в школах следовало бы вести курсы детской и юношеской философии и практического мышления (навыков логического мышления), это более соответствовало бы задачам современного просвещения. Подобная практика, как известно, апробирована в США, но этот опыт не приживается в российском образовании. Попытка новой религиозной волны в современном российском обществе не может быть удачной, исторический опыт преподавания Закона Божьего говорит о том, что иногда при этом достигался обратный результат — формировалось отвращение от религиозного сознания с самого раннего школьного возраста. Религия — это столь тонкая духовная субстанция, что может передаваться лишь от личности к личности. С изучением в школе навязанного религиозного курса будет запущен процесс расцерковления религиозного сознания.

Философия в жизни современного общества имеет самое инновационное значение, именно она обладает максимальным потенциалом для обще-

духовного синтеза, преодоления пропасти между наукой и религией, между мировыми религиями, между этнонациональными архетипами бытия.

Философия в максимальной степени обеспечивает преодоление неноосферности современного техногенного бытия (пока еще примитивного технобытия). Глобализация потому идет с перекосами, находится пока в формате материального измерения, она пока бесчеловечна, но уже сейчас видны на закопченном небе цивилизационного бытия просветы духовного синтеза. Когда глобализация охватит синтетическими процессами духовное бытие человечества, тогда и станет возможным говорить о ноосферном развитии, ноосферной динамике.

Универсумно-семиотическое видение мира как философский аттрактор третьего тысячелетия

Новый век, открывающий третье тысячелетие, несет с собой новую виртуальную семиотическую ноосферную реальность, в ней, может быть, более всего обнаружит себя многоликая идеальность и меональная информационность. Время простых или примитивных философских систем как духовных одежд человека и человечества прошло, человек завершает эпоху хождения в звериных шкурах ментальности. Материалистические модусы философии, абсолютные формы которых диктовали свои условия в последнем веке второго тысячелетия и в значительной степени скомпрометировали себя в глазах простых экзистенциальных мыслителей, отойдут на второй план, в первом веке третьего тысячелетия откроется новая ноосферно-семиотическая картина человеческого бытия, которая окажется адекватной не экстенсивному информационному обществу знаний, а рождающейся духовно-человеческой формации ноосферной ойкумены в ее безмасштабном человеческом качестве и человеческом потенциале.

В этой картине мира, евразийского мира, будет органично осуществлен всеобщий со-знаниевый синтез, о котором мечтали еще В. С. Соловьев и В. И. Вернадский. Высокое соприкосновение этих гениев и может стать тем самым ДАО русской философии, которое позволит понять настоящий путь современной России.

Российский истеблишмент пока не очень понимает смысл такой софийно-ноосферной инверсии, но заметим, что развитие сознания страны идет очень быстрыми темпами и новому поколению молодой российской интеллигенции уже будет понятен тайный смысл логики и философии развития человеческого разума в формах становления ноосферной реальности и борьбы с антиноосферными тенденциями, ставшими доминантно разрушительными в эпоху примитивной техногенной цивилизации. Сейчас восстанавливается общемировой и общечеловеческий философский синтез культуры и ноосферная идея может оказаться тем словом, которое было вначале.

Возрождение свободной религиозной жизни в России может стать увертюрой к освобождению философского сознания от государственно-династических оков, а это повод в какой-то момент обнаружить не только простую народную (а не государственническую) религию, но и естественную народную философию — открыть полноту народной мудрости евразийского и даже вселенского бытия.

Конечно же, ноосферное развитие России будет определять не «белая молодая гвардия» и не «наши» люди в России, а новая молодая российская

интеллигенция, которая формируется сейчас не столько благодаря, сколько вопреки «российскому псевдоболонскому образованию». Эта молодая интеллигенция уже сможет оценить главную идею культурной традиции российского развития: страна развивается самостоятельно и оригинально только в том случае, если равноправно и свободно в ней развиваются наука, искусство, философия и религия в разных формах их актуального и виртуального бытия. Об этом говорил В. И. Вернадский, размышлял В. С. Соловьев, об этом будут думать нынешние студенты, которые имеют, наконец, возможность самостоятельно и взвешенно оценить культурный потенциал разных стран, сравнить достижения России с достижениями других стран и тем самым понять, что холодильник и стиральная машина лишь первая, хотя, может быть, и самая главная предпосылка духовного развития каждого человека, и россиянина в том числе.

Библиографический список

1. Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 280 с.
2. Бэйтсон Г. Экология разума : избр. статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии : пер. с англ. М. : Смысл, 2000. 476 с.
3. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М. : Наука, 1988. 359 с.
4. Лихачев Д. С. Избранные работы : в 3 т. Т. 1 : О себе ; Развитие русской литературы ; Поэтика древнерусской литературы. Л. : Худож. лит., 1987. 656 с.
5. Мень М. А. Миссия философа и практическая деятельность // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11, вып. 2. № 48/49. С. 94—100.
6. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М. : Аграф, 1998. 474 с.
7. Осипов Г. В. Биосфера, социальная реальность и социально-гуманитарное знание // Биосфера : междисциплинар. науч. и прикл. журн. 2009. Т. 1. № 1. С. 111—117.
8. Раков В. П. Меон и стиль. Иваново ; Шуя, 2010. 448 с.
9. Смирнов Д. Г. Вселенная знаков: ноосфера versus семиосфера. Lambert Academic Publishing, 2011. 248 с.
10. Хаксли О. Остров ; Врата восприятия ; Небеса и ад : пер. с англ. Киев : София, 1995. 448 с.

ББК 60.524.122.115-87.21

Е. А. Карнаева

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В НООСФЕРНОЙ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ИВАНОВСКОГО РЕГИОНА: СОЦИАЛЬНОЕ И ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Процесс постиндустриальной модернизации, начавшийся в XXI веке, связан в значительной степени с человеческим потенциалом и с человеческим качеством, которые играют определяющую роль в ноосферном развитии.

© Е. А. Карнаева, 2011